

СЛОЖНОВВОДНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ КАК ПОДТИП СЛОЖНОПARENТЕЗНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ЯЗЫКЕ И ЕГО ЛИНГВОКОГНИТИВНАЯ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА

Музаффаржон Ганижонович ХОШИМОВ

Исследователь

Андижанский государственный университет

Андижан, Узбекистан

КИРИШ ГАПЛИ ҚЎШМА ГАПНИНГ ЛИНГВОКОГНИТИВ ВА ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИК ТАБИАТИ ҲУСУСИДА

Музаффаржон Ганижонович ХОШИМОВ

Андижон давлат университети

Илмий тадқиқотчиси

Андижон, Ўзбекистон

COMPOSITE SENTENCE WITH AN INTRODUCTORY CLAUSE AS A SUBTYPE OF A COMPOSITE PARENTHETICAL CLAUSE IN LANGUAGE AND ITS LINGUOCOGNITIVE AND LINGUOCULTUROLOGICAL NATURE

Muzaffarjon Ganijonovich KHOSHIMOV

Researcher

Andijan State University

Andijan, Uzbekistan leagueuz@yandex.ru

UDC (УЎК, УДК): 81'367.335

For citation (иктибос келтириш учун, для цитирования):

Хошимов М.Г. Сложновводное предложение как подтип сложнопarenтезного предложения в языке и его лингвокогнитивная и лингвокультурологическая природа // Ўзбекистонда хорижий тиллар. — 2021. — № 5 (40). — С. 7-19.

<https://doi.org/10.36078/1637647380>

Received: August 10, 2021

Accepted: October 17, 2021

Published: October 20, 2021

Copyright © 2021 by author(s).

This work is licensed under the Creative Commons Attribution

Аннотация. Статья посвящена изучению относительно малоисследованного и очень спорного типа сложных предложений с parenтезным компонентом в таких современных языках разной типологической принадлежности, как английский, узбекский и русский. Автором предпринята попытка разработать дефиницию исследуемого типа сложного предложения, основанную на его лингвокогнитивных и лингвокультурологических аспектах, и классифицировать его на два основных подтипа: 1) сложное предложение с вводным предложением (СВП); 2) сложное предложение с вставным предложением. При этом объектом анализа в статье выбран его первый подтип, что дало возможность установить его изморфные и алломорфные свойства и выявить факторы, обуславливающие первые. Исследованием установлено, что такими релевантными для структуры СВП признаками-параметрами могут служить их следующие свойства: 1) лингвокогнитивные: а) структурно-семантические; б) коммуникативно-прагматические; 2) лингвокультурологические свойства СВП как лингвокультуры. К наиболее важным лингвокультурологическим свойствам СВП относятся следующие: наряду с ассесивными прагматическими

International License (CC BY 4.0).
<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

особенностями наличие у СВП культурологической семантики; принадлежность СВП синхронному или диахронному состоянию языка; функционально-стилевые свойства СВП; СВП как показатель авторского почерка, стиля; гендерные (маскулинные и фемининные) свойства СВП; аргументирующая функция СВП; текстообразующие (текстогенерирующие) свойства; теологические свойства употребления СВП; социолингвистические свойства СВП; этнолингвистические свойства СВП; узуальные и окказиональные свойства СВП; наличие синонимических, омонимических и антонимических отношений СВП с близкими и смежными ему явлениями и т. п., что в целом характеризует СВП как лингвокультуру.

Ключевые слова: сложновводное предложение; синтаксические конструкции; синтаксис сложного предложения; структурно-семантический; коммуникативно-прагматический; лингвокультурные и лингвокогнитивные аспекты языковых единиц.

Аннотация. Мазкур мақола нисбатан кам ўрганилган ва энг баҳсли мавзу — типологик жихатдан турли тилларда, жумладан, ҳозирги инглиз, ўзбек ва рус тилларида кириш гапли қўшма гапни (КГҚГ) ўрганишга қаратилган. Мақолада ўрганилаётган аралаш гапли қўшма гап лингвокогнитив ва лингвокультурологик жихатларига асосланган ҳолда иккита асосий турга ажратилди: а) кириш гапли аралаш қўшма гап; б) қўшма гапли аралаш қўшма гап. Биринчи категория таҳлил объекти бўлиб, унинг лингвокогнитив ва лингвокультурологик жихатдан изоморфик ва алломорфик хусусиятларини ўз ичига олади ҳамда иккинчи тоифани олдиндан белгилаб берувчи омилларни очиб беради. Тадқиқот натижаларига кўра, КГҚГ тузилишининг белги-параметрлари сифатида уларнинг қуйидаги хусусиятлари хизмат қилиши мумкин: 1) лингвокогнитив: а) структур-семантик; б) коммуникатив-прагматик; 2) лингвокультура сифатида КГҚГнинг лингвокультурологик хусусиятлари. КГҚГ энг муҳим лингвокультурологик хусусиятларига қуйидагилар кириши аниқланди: КГҚГда ассессив прагматик хусусиятлар билан бир каторда культурологик семантиканинг мавжудлиги; КГҚГнинг тилнинг синхрон ёки диахрон ҳолатига мансублиги; КГҚГнинг функционал-услубий хусусиятлари; КГҚГ муаллифнинг услуби белгиси сифатида; КГҚГнинг гендер (маскулин ва феминин) хусусиятлари; КГҚГ аргументлаш функцияси; матн яшаш (шаклантириш) хусусияти; КГҚГ қўлланилишининг теологик хусусиятлари; КГҚГнинг социолингвистик хусусиятлари; КГҚГнинг этнолингвистик хусусиятлари; КГҚГнинг узуал ва окказионал хусусиятлари; КГҚГни лингвокультура сифатида тавсифловчи синонимик, омонимик ва антонимик муносабатларнинг ҳамда уларга яқин ва ўхшаш ходисаларнинг мавжудлиги.

Калит сўзлар: кириш гапли қўшма гап; синтактик конструкциялар; қўшма гап синтаксиси; тил бирликларининг структурал-семантик, коммуникатив-прагматик, лингвокультурологик ва лингвокогнитив аспекти.

Abstract. The article is aimed at studying a relatively less investigated and most disputable type of a composite sentence with a parenthetical clause in such typologically different languages as Modern English, Uzbek and Russian. The author attempts to work out the definition of the composite sentence with an introductory clause

(CSIC) under study based on its linguocognitive and linguoculturological aspects and classifies it into 2 main subtypes: a) composite sentence with an introductory clause; b) a composite with an inserted clause, the first subtype being the object of analysis, which resulted in establishing its linguocognitive and linguoculturological isomorphic and allomorphic features and revealing the factors preconditioning the latter. The research has established that the following properties can serve as such relevant features for the structure of the CSIC; 1) linguo-cognitive: a) structural and semantic; b) communicative and pragmatic; 2) linguoculturological properties of CSIC as a linguoculture. The most important linguoculturological properties of CSICs include the following: along with assistive pragmatic features, the presence of cultural semantics in CSICs; belonging of the CSIC to the synchronous or diachronic state of the language; functional and style properties of CSIC; CSIC as an indicator of the author's handwriting, style; gender (masculine and feminine) properties of CSIC; arguing function of CSIC; text-forming (text-generating) properties; theological properties of the use of CSIC; sociolinguistic properties of CSIC; ethnolinguistic properties of CSIC; Usual and occasional properties of CSIC; the presence of synonymous, homonymous and antonymic relations of CSIC with related and related phenomena, etc., which in general characterizes CSIC as a linguacultureme.

Keywords: introductory complex sentence; syntactic constructions; syntax of a complex sentence; structural-semantic; communicative-pragmatic and linguocultural aspects; linguo-cognitive organization of linguistic units.

Введение. В современной науке о языке проблемам общей теории инвариантных структурно-семантических типов и подтипов крупной синтаксической единицы – сложного предложения (СП) посвящено много научных исследований, однако вопрос об их таксономике, их инвариантных типах все еще остается открытым.

Наши наблюдения над различными типами синтаксических единиц, содержащих вводные слова, вводные словосочетания и вводные предложения в языке, показывают, что современная лингвистика изобилует понятиями и терминами, в той или иной мере связанными с вышеуказанными явлениями. К числу таковых можно отнести такие понятия и термины, как «вводное слово», «вводный элемент», «вводное предложение», «вводный компонент», «парентезные элементы» (16, 230), «парентезные элементы» (под которыми понимаются либо вводные и вставные вместе, либо последний из них) в русском языкознании (А. Г. Руднев, А. И. Студнева) «introductory clause» (Б. С. Хаимович, Э. И. Роговская), (Р. Р. Хартман, Ф. С. Сторк; Н. А. Кобрина, Л. В. Корнеева) «parenthetical clause» (R. Quirk et al; D. Crystal, M. A. Halliday, C. Potts) (29, 290) «comment clause» (37, 196–197); «interpolated clause» (40, 1242); «сложноподчиненное предложение с вводным придаточным предложением» (34, 359–360), «сложновводное предложение» (Г. М. Хошимов и др.) в английском языкознании, или «кириш бўлаклар», «кириш гап», «изоҳ гаплар», «изоҳ бўлаклар» (2, 105–122; 20, 79; 17, 14; 15, 208; 1, 32), «ундалмали кўшма гап» (9, 105); «илова конструкциялар», «киритма гап», «кўшма гап» (10, 67–69); «кириш гапли кўшма гап» (М. Г. Хошимов и др.) в узбекском языкознании и т.п. Существуют и такие понятия и термины, как «host clause», «anchor clause», «matrix clause», «introductory clause», «inserted clause» и др., часто встречаемые в научном обиходе английского языкознания,

которые являются разрозненными и спорными в силу их порою недифференцированного, наразборчивого употребления с точки зрения их структурно-семантических и функциональных свойств в политактической системе языка. В указанных работах заложены научные основы теории синтаксиса сложного предложения и смежных с ним других синтаксических конструкций на материале узбекского, английского, русского, немецкого и других языков, определены объекты и методы исследования, получили широкое распространение термины, которыми обозначаются единицы политаксиса (23, 27).

Тем не менее почти все вышеуказанные научные исследования велись в русле традиционной структурной лингвистики, где основное внимание исследователей было обращено преимущественно на их структурную, формально-семантическую организацию и функциональные свойства, т.е. исследования велись исходя из принципа лингвоцентризма, а не антропоцентризма, согласно которому основным фактором, главной движущей силой в структурно-семантической, коммуникативно-прагматической и лингвокультурологической, и в целом в лингвокогнитивной организации языковых единиц, включая и сложные предложения во всех отношениях, оказывается человеческой фактор, без строгого учета которого, как показывает и доказывает новое перспективное направление современной лингвистики – когнитивная лингвистика, невозможно дать исчерпывающие решения относительно их места, статуса и употребления в повседневном общении для вербализации определенной коммуникативной нужды и интенции говорящих или пишущих на том или ином языке.

Следует отметить, что любое языковое явление, включая и СП, так или иначе непосредственно связано с той или иной когнитивной или концептуальной семантикой (содержанием), еще точнее – «концептом», который им закономерно вербализуется только и ради того, чтобы объективировать некую коммуникативную интенцию носителей языка при общении.

В этой связи с точки зрения мироощущения и мировидения, точнее картины мира носителей того или иного языка, а значит, с когнитивно-аксиологической точки зрения целесообразно выделение таких коммуникативно необходимых, универсальных концептов, как «отношение», «ощущение», «чувство», «оценка» («субъективно-модальная оценка», «объективно-модальная оценка» и т.п.), проявляющихся в таких концептуально-оппозитивных, аксиологически-оценочных явлениях, как «правдивость/ ложность», «эмоциональность/ неэмоциональность», «экспрессивность/ неэкспрессивность», «вероятность/ невероятность», «очевидность/ неочевидность», «взволнованность/ успокоенность», «уверенность/ неуверенность», «решительность /нерешительность», «сомнительность/ несомнительность» и т. д., что объективируется в общении с помощью коммуникативных типов единиц.

Макроконцепт «оценка» представляет собой наиболее характерное лингвокогнитивное явление при мироощущении и соответственно при мировидении, что есть картина мира, так как любой адекватно мыслящий человек – носитель языка не может не оценивать то, что им ощущается, чувствуется, слышится, визуально воспринимается, дискутируется, говорится, объясняется, обосновывается и т.д. при общении с его стороны, а также то, что

сообщается, адресуется, обращается и т.д. к нему со стороны коммуникантов, участвующих в различных актах речи.

Исходя из вышеизложенного можно постулировать, что любой коммуникативно-прагматически важный концепт, на наш взгляд, претендует на универсальность существования в концептосфере любого зрелого носителя языка, и соответственно, в той или иной мере облигаторно объективируется специальными вербальными (а иногда при необходимости не вербальными, а паралингвистическими) средствами языка в силу необходимых, нормативных, общепринятых структур языковых знаний в рамках своеобразно сформировавшегося у носителя языка «лингвалитета». Однако лингвалитет как таковой может различаться от носителя к носителю в связи с его компетентностью или некомпетентностью, вести полноценное общение с другими в его повседневной жизни и деятельности в силу той или иной меры сформировавшегося у носителя лингвалитета, а это показывает либо высокий, либо средний, или низкий уровень знаний им того или иного языка для осуществления необходимого для коммуникативно-прагматических нужд носителей языка общения.

Таким образом, «оценка» рассматривается нами как макроконцепт, который может далее распадаться на следующие микроконцепты: 1) «объективно-модальная оценка»; 2) «субъективно-модальная оценка». С точки зрения лингвокогнитивного, лингвопрагматического и лингвокультурологического анализа для нас наиболее перспективным и плодотворным представляется микроконцепт «субъективно-модальная оценка», так как данный концепт имеет многоаспектную природу, непосредственно связанную с модусом (субъективным содержанием) и «диктумом» (6, 43–48) (объективным содержанием) предложений-высказываний (простых, сложных), широко употребляемых в ежедневной коммуникации, что, на наш взгляд, непосредственно связано с актуализацией необходимой коммуникативно-прагматической интенции носителя того или иного языка.

Основная часть. С этой точки зрения актуальным и необходимым представляется системное лингвокогнитивное и лингвокультурологическое изучение всего конгломерата целостных и монолитных языковых (лексических, синтаксических и дискурсных) единиц, специализированных для репрезентации универсального микроконцепта «субъективно-модальная оценка» в современном английском, узбекском и русском языках для установления их места в подсистеме синтаксиса и общелингвистического статуса в языке вообще.

Исходя из результатов наших наблюдений над типами разноуровневых вербализаторов микроконцепта «субъективно-модальная оценка» (в современном английском, узбекском и русском языках), можем утверждать, что в языках существует и функционирует целая развитая система языковых единиц, специализированных для вербализации вышеуказанного микроконцепта.

Как показывает сопоставительно-типологический анализ специализированных средств-вербализаторов микроконцепта «субъективно-модальная оценка», для адекватной объективации данного микроконцепта употребляются такие важные типы языковых средств, как: 1) **простые предложения с вводными членами**, выраженными: а) **вводными словами** (типа «*Perhaps, he will help you*», «*Балки, у сизга ёрдам беради*», «*Наверно, он вам поможет*»); б)

словосочетаниями (типа “*To tell the truth, I do not like him*”, “*Ростини айтганда, мен уни ёқтирмайман*”, “*Правду говоря, я не люблю его*”); 2) **сложные предложения с парентезным (вводным) компонентом** (типа «*As you see, we are not working*», «*Как вы видите, мы не работаем*», «*Кўриб турганингиздек, биз ишламаямиз*»), последние из которых, с нашей точки зрения, и претендуют на роль наиболее специализированного и адекватного средства вербализации вышеуказанного микроконцепта в сопоставляемых языках.

Говоря о статусе сложного предложения с парентезным (вводным) компонентом, следует отметить, что в специальной литературе, посвященной исследованию парадигмы целостных синтаксических единиц, до сих пор существует традиционный подход и соответственно этому старая теория парадигмы синтаксических единиц, которая гласит, что на уровне синтаксиса существуют следующие инвариантные структурные типы языковых единиц:

- 1) простое предложение (*Я пришел.*);
- 2) сложное предложение:
 - а) сложносочиненное предложение (ССП): *Я пришел, а вы остались там;*
 - б) сложноподчиненное предложение (СПП): *Когда я пришел, вы остались там;*
 - в) бессоюзное сложное предложение (БСП): *Я пришел, вы остались;*
 - г) смешанное многочленное сложное предложение (СМСП): *Когда я пришел, вы остались там, и вы довольны этим.*

Как видно из вышеизложенного, здесь нет упоминания о существовании такого отдельного инвариантного типа сложного предложения, как сложное предложение с парентезным (вводным) компонентом (типа *Как видите, я пришел; As you see, I have come; Куриб турганингиздек, мен келдим.*) в языках, точнее и удобнее которое называть как сложновводное предложение.

В специальной литературе, посвященной изучению сложного предложения (СП) как в частно-языковедческом, так и в общезыковедческом планах, есть отдельные работы, посвященные актуальным проблемам развития теории синтаксических единиц вообще и СП в частности с позиций когнитивной лингвистики. С нашей точки зрения в таких исследованиях к числу самых злободневных вопросов должны быть отнесены: а) проблема определения лингвокогнитивных основ СП; б) проблема выделения основных инвариантных типов СП как крупных типов языковых единиц, специализированных для репрезентации различных типов концептов вообще и грамматических (морфолого-синтаксических) концептов в частности (типа координация, субординация, координация, парентезирование а) введение (интродукция — introduction); б) вставление (инсерция — insertion) или вклинивание), адвербиальность, темпоральность, кондициональность, финальность, каузальность, компаративность, концессивность, консекutiveность и т. д.).

Как видно, в этом вопросе ещё нет четко обоснованных путей его решения в синтаксической теории, хотя в специальной литературе есть отдельные интересные и ценные идеи, высказанные известными языковедами-теоретиками относительно инвариантных и вариантных типов СП и ССП, СПП и сложновводного предложения(СВП) (В. А. Богородицкий, А.М. Пешковский, Н. А. Поспелов, В. В. Виноградов,

А.М. Мухин, В.А. Белошапкова, А. Гуломов, Г.А. Абдурахмонов, М.А. Аскарлова, Г. Биренбаум, Е. В. Гулыга, Л. Л. Иофик), а также языковедами, непосредственно исследовавшими проблемы сложного предложения с парентезным (вводным) компонентом, такими как А. И. Студнева; Р. Р. Сайфуллаев; А. Нурмонов; Н. Махмудов; С. Потс; М. Г. Хошимов и мн. др., в научных трудах которых подвергнуты исследованию с позиций традиционных подходов к синтаксису СП и сложное предложение с парентезным (вводным) компонентом в той или иной мере.

Все это говорит о том, что теоретические проблемы СП ещё совсем далеки от своего удовлетворительного решения, не говоря о сложном предложении с парентезным (вводным или вставным) компонентом, ибо наряду с другими спорными вопросами структурно-семантического порядка существует известный пробел и в разработке проблем теории инвариантных типов СП с позиций когнитивного синтаксиса, лингвопрагматики и лингвокультурологии, так как данные СП в той или иной мере строго коррелируют с определенными конкретными грамматическими концептами – концептуальными семантиками вышеуказанного характера.

Наши наблюдения над синтаксисом таких языков разной типологической принадлежности, как английский, узбекский и русский, позволяют говорить о том, что парадигма синтаксических единиц является не пятичленной, а скорее шестичленной, поскольку есть и такие типы синтаксических единиц, репрезентированных сложным предложением с парентезным (вводным) компонентом, которые не укладываются, да и не могут и не должны укладываться в рамки вышеуказанных традиционно выделяемых типов СП, сравните, например:

в английском: *As you know, the relations between them are not good;*

в русском: *Как вы знаете, отношения между ними нехорошие;*

в узбекском: *Улар ўртасидаги муносабатлар, ўзингиз биласиз-ку, яхши эмас.*

в английском: *You are that man, if I am not mistaken, who lost his way;*

в русском: *Вы тот самый человек, если не ошибаюсь, который потерял свою дорогу;*

в узбекском: *Сиз, адашмасам, йўлни йўқотган ўша кишисиз.*

Вышеуказанные типы синтаксических единиц характеризуются, как видно, специфичной структурно-семантической (равно как и лингвокогнитивной и коммуникативно-прагматической) организацией, не типичной ни для ССП, ни для СПП, ни для БСП и ни для смешанных типов СП, поскольку в них синтаксические отношения и соответственно синтаксические связи совершенно иные, чем в известных типах СП в языке, не говоря об их своеобразных лингвокогнитивных, лингвопрагматических и лингвокультурологических свойствах.

Все это и требует непосредственной постановки вопроса об определении статуса таких типов СП и смежных с уже известными их типами и подтипами, раскрытии их лингвокогнитивной, лингвопрагматической и лингвокультурологической природы как специфичных типов СП, функционирующих в качестве носителя определенных концептуальных значений и смыслов, а также компонента языковой картины мира, что и свидетельствует о неразрывной связи лингвокогнитивного, лингвопрагматического и

лингвокультурологического аспектов подобных синтаксических феноменов.

Все это позволило бы, как надеемся, четко установить характер синтаксических отношений и вид синтаксической связи между компонентами таких СП, как сложновводные предложения и их статус как инвариантного самостоятельного типа конструкций, наделенных способностью репрезентировать тот или иной грамматический концепт, подлежащий вербальному воплощению. Более того, все эти вопросы, подлежащие рассмотрению с позиций когнитивной лингвистики, позволяют, на наш взгляд, раскрыть когнитивно-концептуальную, прагматическую и культурологическую сущность синтаксических средств, включая СП и сложновводное предложение.

Демонстрируя свою стереотипную и фразеологизованную структуру, сложновводные предложения как концептуально-значимые синтаксические единицы непосредственно функционируют как в устной, так и в письменной и речи в качестве, с одной стороны, специализированных вербализаторов культурных концептов, которые транслируют этнокультурную информацию, и наиболее специализированных лингвокогнитивных, лингвопрагматических и лингвокультурных средств, отражающих общечеловеческие и национально-культурные ценности, с другой.

Таким образом, необходимость в исследовании данного явления определяется тем, что до сих пор не установлена и не раскрыта система вербальных и невербальных средств, репрезентирующих микроконцепт «субъективно-модальная оценка» в разносистемных языках, не определен общелингвистический статус синтаксических конструкций с вводными членами (СКВЧ) вообще и таких реально существующих типов СП, как сложновводное предложение (типа *As is known, there are seven continents in the world; Как известно, в мире семь континентов; Дунёда, маълумки, етти қитъа бор (или же: These questions, I think, are very important for your work; Эти вопросы, думаю, очень важны для вашей работы; Бу масалалар, ўйлайманки, сизнинг ишингиз учун жуда муҳим)* в частности, которые предназначены для детализированной вербализации указанного микроконцепта. Кроме того, до сих пор не осуществлен лингвокогнитивный и соответственно лингвокультурологический подход к синтаксису СКВЧ и к сложновводному предложению, в частности, как одному из инвариантных типов сложных предложений, наиболее адекватно репрезентирующих микроконцепт «субъективно-модальная оценка», который закономерно относится к разряду универсальных лингвокогнитивных концептов, подлежащих обязательной вербализации и объективации в любом конкретном языке.

Вышеприведенные конструкции, несомненно, относятся к таким синтаксическим категориям, как СП в языке, что и требует создания теоретических основ, позволяющих разработку соответствующего терминологического аппарата, метапонятий, метатерминов и метаязыка изучения возможных типов СП. Последние можно для удобства условно называть как *сложнопарентезные предложения (СПРП) в их преломлении на «сложновводное» и «сложновставное»* типы наряду с давно употребляющимися в научном обиходе такими типами СП, как сложносочиненные, сложноподчиненные и сложносмешанные предложения в языке.

СПРП как полноценный инвариантный тип СП (содержащий в себе минимум две предикативные единицы, каждая из которых равна

простому предложению с субъектно-предикатным ядром) и концептуально и культурно значимая единица языка требует также разработки действенных принципов и эффективной методики их лингвокогнитивного и лингвокультурологического анализа, непосредственно способствующего установлению его инвариантного типа и места в парадигме универсальных типов синтаксических единиц в языках.

Таким образом, под СПРП в языке нами понимается такой инвариантный тип СП как целостного языкового знака, который канонически состоит из двух асиндетически/синдетически связанных компонентов (каждый из которых по структуре равен простому предложению со своим субъектно-предикатным ядром), между которыми реализуются не обычные сочинительные и подчинительные отношения, а «парентезные/ вводные отношения», ради вербализации коммуникативной необходимости и интенции говорящего/пишущего о «субъективно-модальной оценке» того, что вербализовано в основной матричной части СПРП, при котором парентезный компонент может занимать по отношению к матричной части одну из трех возможных позиций (препозицию, интерпозицию и постпозицию), отделяясь от остальной части предложения запятыми, скобками, тире и т. д.).

Пожалуй, одним из актуальных вопросов, связанных с лингвокогнитивной (и связанный с ней лингвопрагматической) природой СПРП является также и вопрос об их таксономии на коммуникативно-прагматические типы. Исходя из того, какая когнитивно-модусная установка вложена в парентезной части СПРП, последние можно классифицировать на ряд коммуникативно-прагматических подтипов.

СПРП, парентезная часть которого может вербализовать микроконцепт «субъективно-модальная оценка», выражающаяся в следующих его проявлениях: 1) удивление; 2) сожаление; 3) радость; 4) изумление; 5) уверенность; 6) предположение; 6) возможность; 7) невозможность; 8) последовательность мыслей, действий, состояний; 9) уточнение; 10) сообщение, уведомление (типа: говорят, сообщают); 11) подтверждение (типа: видите ли, понимаете ли, поверьте и т.д.); 12) подчеркивание (оценка: без преувеличений); 13) помилование; 14) соглашение; 15) позволение; 16) обоснование (типа: по правде, по совести, кроме шуток); 17) утверждение, подтверждение; 18) сомнение, неуверенность; 19) убежденность, уверенность; 20) сожаление, печаль; 21) радость; 22) удовлетворенность; 23) заключение, вывод; 24) доказательство, алиби и т.д.

Как видно из вышеизложенного, вышеперечисленные коммуникативно-прагматические типы СПРП, выражая когнитивное, модусно-диктумное содержание последних, одновременно объективируют и их лингвокультурологические особенности, что наиболее выпукло отражается в таких их типах и разновидностях с парентезным компонентом, выраженным как, например, такими вводными конструкциями: «*Гапнинг нўст калласини (индаллосини) айтсам,*», «*Не кўргиликки,....*», «*Не бахтиқароликки,*», *айланай,...., ўргилай,....., онанг ўргилгир,...., онанг айлансин,....., барака топгур,, умринг узоқ бўлгур,...., дийдоринг ўчкур,....., тилинг кесилгур,...., яшишамагур,....., онанг қоқиндиқ,...., онанг гиргиттон,....., отанг бўйингдан , as far as I guess,...., as far as I fancy,...., as the sailors say,....., if my memory doesn't fail me, , as is known,....., as he chanced to be,....., as she should have,....., само собой разумеется,*

должно быть,, кажется,, стало быть,, что называется,, вы вообразите,, скажите на милость,, не в укор будь сказано,, между нами будь сказано,, сколько я помню,, как выражаются моряки,, если память мне не изменяет,, если на то пошло, ..., и мн. др. Как видно из примеров, в вышеперечисленных парентезных (вводных) компонентах СПРП вербализуются интересные лингвокультурологические феномены (семантики), непосредственно связанные со своеобразной жизнедеятельностью и национальной культурой народов, говорящих на сравниваемых языках и практикующих свои национальные культуры, следовательно, их можно рассматривать как *лингвокультуремы*. Здесь также налицо лингвопрагматические семантические особенности парентезных компонентов СПРП, которые, в частности, широко вербализуются и фразеологическими единицами строго в определенных контекстах для их адекватного использования и понимания коммуникантами.

Заключение. Таким образом, СПРП как гипероним (по отношению к «сложновводному» и «сложновставному» предложениям) представляет собой когнитивно-значимый и коммуникативно-прагматически важный тип такой синтаксической единицы как СП, функционирующий в языках как наиболее специализированный концептуально-когнитивный и культурно-значимый вербализатор микроконцепта «субъективно-модальная оценка» (при вводных конструкциях и «объективно-модальная оценка» (при вставных конструкциях), в семантике которых действительно заложены структуры знаний лингвистического, когнитивного, культурологического, коммуникативно-прагматического и стилистического характера. Все это при необходимости должно быть учтено в системном лингвокогнитивном и лингвокультурологическом изучении СПРП, что, несомненно, создаст прочную базу для осуществления их адекватного перевода с одного языка на другой.

Использованная литература

1. Абдупаттоев М. Ўзбек тилининг поэтик синтаксиси. — Фарғона, 2021. — 124 б.
2. Абдурахмонов Г. А. Основы синтаксиса сложного предложения современного узбекского языка. — Ташкент, 1960. — 116 с.
3. Адмони В. Г. Синтаксис современного немецкого языка. — Л.: Наука, 1973. — 366 с.
4. Адмони В. Г. Сложнопаянное предложение в тюркских языках. — Советская тюркология. Баку: 1982, № 3, с. 30–36.
5. Аскарлова М.А. Способы подчинения и типы придаточных предложений в современном узбекском языке: Автореф. дисс...докт. филол. наук. — Ташкент. 1963.— 86 с.
6. Бархударов Л.С., Штелинг Д.А. Грамматика английского языка. — М., 1963. — 424 с.
7. Белошпкова В. А. Сложное предложение в современном русском языке: Автореф. дис. ...докт. филол. наук. М., 1970. — 145 с.
8. Бозоров О. Ундалма-содда гап, ундалмали содда гап – кўшма гап// Тилшуносликнинг долзарб масалалари. Илмий маколалар тўплами. — Тошкент: «Академ нашр», 2013. — Б. 103–106.

9. Жамолиддинова Д.М. Бадиий нутқда парантез бирликларнинг семантик-грамматик ва лингвопоэтик хусусиятлари. — Тошкент: "Фан", 2011. — 93 б.
10. Колосова Т. А. О принципах классификации сложных предложений// Вопросы языкознания. — 1984. — № 6. С. 45–49.
11. Махмудов Н. Эргаш гапларнинг таснифи // Ўзбек тилининг назарий грамматикаси. — Тошкент: «Ўқитувчи», 1995. — 106–220 б.
12. Махмудов Н., Нурмонов А. Ўзбек тилининг назарий грамматикаси (синтаксис), Тошкент: Ўқитувчи, 1995. — 146 б.
13. Менглиев Б.Р. Ҳозирги ўзбек тили. — Тошкент: Tafakkur Bo'stoni, 2018.— 200 б.
14. Менглиев Б. Гапнинг кириш ва киритма кенгайтирувчилари // Замонавий ўзбек тили. II жилд. — Тошкент: «Мумтоз сўз», 2011. — 208 б.
15. Мухин А.М. Структура предложений и их модели. — Л.: «Наука», 1968. — 230 с.
16. Нурмонов А. Гап ва унинг булаклари ҳақида мулоҳазалар// Ўзбек тили ва адабиёти. — 2002, № 2. — Б. 35–38.
17. Сайфуллаев А.Р. Ҳозирги ўзбек адабий тилида кириш бўлак. — Тошкент: Фан, 1972. — 84 б.
18. Сайфуллаева Р.Р. Ҳозирги ўзбек тилида қўшма гапларнинг субстанционал (зотий) талқини. — Тошкент, 2007. — 72 б.
19. Хашимов Г. М. Типология сложных предложений разносистемных языков. — Ташкент, 1991. — 108 с.
20. Хошимов Г.М. Типология сложного предложения в разносистемных языков. Автореф. дисс. доктора филол. наук. — Ташкент, 2002. — 49 стр.
21. Biber, D., Johansson, S., Leech, G., Conrad, S., Finegan, E. (1999) Longman Grammar of Spoken and Written English. London: Longman. — 467 p.
22. Haddad Y. Vocatives as parenthetical adjuncts: Evidence from Arabic // *Glossa: a Journal of general linguistics*, 5 (1), 2020. — p. 132. doi: <https://doi.org/10.5334/gjgl.1302>
23. Hamzah N. J. Comment Clauses in English and Arabic: A Comparative Analysis, 2017, 165 p.
24. Geoffrey Leech., Jan Svartvik A Communicative Grammar of English, London Group Limited, 1983, 303 p.
25. Biber Douglas, Ulla Connor and Thomas A. Upton. 2007. *Discourse on the Move: Using Corpus Analysis to Describe Discourse Structure*. Amsterdam: John Benjamins Publishing, 290 p.
26. Ilyish B.A. The structure of modern English: *Theoretical course: textbook. Manual for stud. English dep. ped. in-tov / L. Education* Moscow. 1965. — 378 p.
27. Iliya, L.I. (1962) Syntax of modern French language. *Theoretical course. "Education"*. — Moscow. 384 p.
28. Leech G., Svartvik J. A Communicative Grammar of English. *Pearson Education. India*. 1983. — 304 p.

References

1. Abdupattoyev M. *O'zbek tilining poetik sintaksisi* (Poetic syntax of the Uzbek language), Farg'ona, 2021, 124 b.
2. Abduraxmonov G. A. *Osnovy sintaksisa slojnogo predlojeniya sovremennogo uzbekskogo yazyka* (The basics of the syntax of a complex sentence of the modern Uzbek language), Tashkent, 1960, 116 p.

3. Admoni V. G. Sintaksis sovremennogo nemeskogo yazyka (Modern German syntax), Leningrad, 1973, 366 p.
4. Admoni V. G. *Sovetskaya tyurkologiya*, Baku, 1982, No. 3, pp. 46-53.
5. Askarova M.A. *Sposoby podchineniya i tipy pridatochnyx predlozheniy v sovremennom uzbekskom yazyke* (Methods of subordination and types of subordinate clauses in the modern Uzbek language), Extended abstract of Doctor's thesis, Tashkent, 1963, 86 p.
6. Barxudarov L.S., Shteling D.A. *Grammatika angliyskogo yazyka* (English grammar), Moscow, 1963, 424 p.
7. Beloshapkova V. A. *Slojnoye predlozheniye v sovremennom russkom yazyke* (Complex sentence in modern Russian), extended abstract of Doctor's thesis, Moscow, 1970, 145 p.
8. Bozorov O. *Bozorov O. Tilshunoslikning dolzarb masalalari. Ilmiy maqolalar to'plami* (Current issues of linguistics. Collection of scientific articles), Tashkent: Akademnashr, 2013, pp. 103-106.
9. Jamoliddinova D.M. *Badiiy nutqda parantez birliklarning semantik-grammatik va lingvopoetik xususiyatlari* (Semantic-grammatical and lingvopoetic features of parenthesis units in artistic speech), Tashkent: Fan, 2011, 93 p.
10. Kolosova T. A. *Voprosy yazykoznaniya*, 1984, No. 6, pp. 45-49.
11. Maxmudov N. *O'zbek tilining nazariy grammatikasi* (Theoretical grammar of the Uzbek language), Tashkent: O'qituvchi, 1995, pp. 106-220.
12. Mahmudov N., Nurmonov A. *O'zbek tilining nazariy grammatikasi (sintaksis)* (Theoretical grammar of the Uzbek language (syntax)), Tashkent: O'qituvchi, 1995, 146 p.
13. Mengliyev B.R. *Hozirgi o'zbek tili* (Modern Uzbek language), Tashkent, 2018, 200 p.
14. Mengliyev B. *Zamonaviy o'zbek tili, II jild, sintaksis* (Modern Uzbek language, Vol. II, syntax), Tashkent: Mumtoz so'z, 2011, 208 p.
15. Muxin A.M. *Struktura predlozheniy i ih modeli* (The structure of the propositions and their models), Leningrad: Nauka, 1968, 230 p.
16. Nurmonov A. *Uzbek tili va adabiyoti*, 2002, No. Two, pp. 35-38.
17. Sayfullayev A.R. *Hozirgi o'zbek adabiy tilida kirish bo'lak* (Introduction to modern Uzbek literary language), Tashkent: Fan, 1972, 84 p.
18. Sayfullayeva R.R. *Hozirgi o'zbek tilida qo'shma gaplarning substansional (zotiy) talqini* (Substantial interpretation of compound sentences in modern Uzbek), Tashkent, 2007, 72 p.
19. Xashimov G. M. *Tipologiya slojnyx predlozheniy raznosistemnyx yazykov* (Typology of complex sentences in multi-system languages), Tashkent, 1991, 108 p.
20. Xoshimov G.M. *Tipologiya slojnogo predlozheniya raznosistemnyx yazykov* (Typology of complex sentences in multi-system languages), extended abstract of Doctor's thesis, Tashkent, 2002, 49 p.
21. Biber, D., Johansson, S., Leech, G., Conrad, S., Finegan, E. (1999) *Longman Grammar of Spoken and Written English*. London: Longman, 467 p.
22. Haddad Y. *Glossa: a journal of general linguistics* 5(1), 2020, p.132. doi: <https://doi.org/10.5334/gjgl.1302>
23. Hamzah N. *J.Comment Clauses in English and Arabic: A Comparative Analysis*, 2017, 165 p.

24. Geoffrey Leech; Jan Svartvik. A Communicative Grammar of English English. London Group Limited, 1983, 303 p.
25. Biber Douglas, Ulla Connor and Thomas A. Upton. Discourse on the Move: Using Corpus Analysis to Describe Discourse Structure. Amsterdam: John Benjamins Publishing, 290 p.
26. Ilyish, B.A. The structure of modern English: Theoretical course: textbook. manual for stud. English dep. ped. in-tov / L. Education Moscow, 1965, 378 p.
27. Iliya L.I. Syntax of modern French language. Theoretical course. "Education". Moscow. 1962, 384 p.
28. Leech G., Svartvik J. A Communicative Grammar of English. Pearson Education. India. 1983, 304 p.